
ГУЦОЛ С.Ю.,

кандидат психологических наук,

доцент, НТУУ «КПИ»,

г. Киев

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕОМИФОЛОГИЗМА В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Статья посвящена проблеме философских оснований психологических исследований неомифологизма в современной культуре. Показано, что в культуре постмодерна отчетливо прослеживается формирование новой мифологической ситуации, в качестве культурной доминанты ярко проявляются процессы ремифологизации. Выделены основные тенденции ремифологизации и демифологизации, свойственные постмодернистскому дискурсу.

Ключевые слова: постмодерн, миф, неомифологизм, смысл, ремифологизация, демифологизация.

This article deals with the philosophical foundations of psychological research of neomythologism in the contemporary culture. It is shown that the formation of new mythological situation is distinctly traced in the postmodern culture, the processes remythologization manifested as dominant cultural. The basic mythological tendencies of the postmodern discourse are highlighted.

Keywords: myth, postmodern, neomythologism, meaning, remythologization, demythologization.

Статтю присвячено проблемі філософських засад психологічних досліджень неоміфологізму в сучасній культурі. Показано, що в культурі постмодерну чітко прослідковується формування нової міфологічної ситуації, у якості культурної домінанти яскраво проявляються процеси реміфологізації. Виділено основні міфологічні тенденції, властиві постмодерністському дискурсу.

Ключові слова: постмодерн, міф, неоміфологізм, смисл, реміфологізація, деміфологізація.

Постановка проблеми. Кризис рациональности классического типа, обусловленный сменой социокультурной парадигмы в XX столетии, во многом способствовал появлению феномена постмодерна (критической рефлексии по отношению к предыдущему способу бытия человека в культуре), целью которого стала деконструкция оснований новоевропейского проекта, очевидным образом, влекущая за собой разрушение старых мифологий и порождение новых мифологических идей постмодернистского мировоззрения.

И если в культурном пространстве модерн предстает как культура «больших нарративов», господствующих повествований, претендующих на универсальность и легитимность определенного типа рациональности, образа мышления, языка и культурных ценностей, то ситуация постмодерна, напротив, претендует на свободу от абсолютных истин и универсальных систем, от фиксации приоритетных, доминантных форм и средств описания и интерпретации действительности.

Характеризуя состояние постмодерна, Ж.-Фр. Лиотар подчеркивает, что «упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов» [7, 10]. В контексте культуры именно «метарассказы» и задают семантический горизонт любых нарративных практик. «Понимание «метанарратива» как культурной доминанты, функционирующей в традиции в качестве парадигмальной матрицы и неотрефлексированной системы коор-

динат у Ф. Джеймсона, во многом сближает это понятие с мифом» [4]. Иными словами, утверждение постмодерна как времени заката «метанарративов» предполагает отказ от доминирующих мифологических нарративов и развенчание мифов предыдущей культурно-исторической эпохи.

Внутри научного знания на сегодняшний день актуальными и дискуссионными остаются вопросы о реальных возможностях развенчания прежних мифологических представлений и невозможности формирования новых мифологических систем; о том, какие именно феномены в культуре постмодерна могут «занять место» «метанарративов» классической эпохи; свободен ли философский дискурс постмодерна от мифологизации порождаемых им категорий и пр. Целью данной статьи является анализ философских оснований возникновения и функционирования неомифологических образований в ситуации постмодерна.

Результаты теоретического анализа проблемы. С нашей точки зрения, анализ специфики мифопорождения в культуре постмодерна предполагает необходимость выделения связей между разнородными культурными феноменами с точки зрения выраженности в них первичного опыта миро- и самопостижения. В этом ключе, важно отметить, что мифопорождение мы понимаем не как создание стереотипов, ритуалов, культов, идеологий и технологий манипуляции массовым сознанием, а, прежде всего, как формирование смыслового поля современной эпохи.

Так, аналізуючи проблему становлення смысла в культурі постмодерну, Ж. Делез підкреслює, що, в отличие від модерністської традиції, смысл уже не наділяється статусом абсолютності, трансцендентальності і изначальной данності, а предстает в качестве динамического, изменчивого явления поверхности. Процесс смыслообразования зарождается на границе предложений и вещей и происходит благодаря парадоксальному элементу (нонсенсу), наделяющему смыслом понятия означаемой и означающей серий; циркулируя между этими двумя сериями, нонсенс, тем самым, обеспечивает их коммуникацию. Таким образом, в концепции Ж. Делеза смысл представляет собой лишь продукт, эффект, разворачивающийся на поверхности [5].

В основе смыслообразования лежит совокупность «до-индивидуальных и безличных сингулярностей», соответствующие каждой из серий. Артикуляция Ж. Делезом понятия «сингулярность» направлена на разрушение классической концепции субъекта. Согласно его взглядам, сингулярности коренятся в стихии, которая, с точки зрения логических структур, определяется не может, образуя доиндивидуальное безличностное пространство. В качестве основной характеристики природы сингулярностей можно выделить безразличие в отношении индивидуального и коллективного, частного и общего, внутреннего и внешнего, а также по отношению ко всем своим актуализациям во времени. В отличие от классического субъекта и объекта здесь на лицо вечное возвращение чистых событий. Можно предположить, что именно здесь и образуется новое мифологический континуум, в котором «каждая индивидуальность – зеркало, собирающее на себя сингулярности, мир – перспектива в этом зеркале» [5, 238].

В постмодерне отчетливо наблюдается рассеивание смысла среди множества продифференцированных его составляющих, что, в результате, вле-

чет за собой конец доминирования отдельных дискурсов в культуре. Таким образом, смыслообразование здесь понимается не как объективный процесс обнаружения исходного смысла, а, скорее, как последовательности его бесконечных трансформаций в процессе интерпретации мира как текста.

Несмотря на то, что дискурс постмодерна декларирует отрицание структуры как таковой, нам все же видится возможным выделить его базовых метафор (смерть, игра, нонсенс, бессознательное, телесность, желаемые машины), которые занимают место традиционных (эйдос, архэ, трансцендентальность, сознание). Основополагающую категорию метафизики – тождество сменили повторение и различие. А такие элементы постклассической картины мира, как «письмо», «хаосмос», «археология знания», «симулякр», «ризом», с нашей точки зрения, являются такими же центрирующими структурами.

Однако в своем стремлении разрушить классическую традицию философия постмодерна все же не смогла далеко уйти от ряда традиционных воззрений. Так, в современной культуре воплощаются специфические мифологизмы постмодерна, первичные глубинные переживания реальности, формирующие многомерное мифологическое пространство, характеризующееся новым специфическим миро- и самопониманием. Можно заключить, что постмодерн устанавливает собственный порядок восприятия мира как нестабильной семантической среды, предполагая собственную систему ценностных ориентиров таких как, вариативность, толерантность, плюрализм, равнозначность, полифонизм, альтернативность, открытость, ставшие ведущими принципами бытия культуры. Современный мир не менее мифологичен, чем мир классической культуры.

Основу культуры постмодерна составляет его собственная система мифологических представлений. Наличие мифологических составляющих в

различных культурных контекстах обусловлено непосредственным восприятием мира как самоочевидной реальности (здесь очевидность мы понимаем как предельное основание любого знания о мире).

В философском дискурсе постмодерна мифологическое запечатляется в таких смысловых метафорах, как эпистемологический анархизм, постмодернистская чувствительность, игра, хаосмос, которые, в свою очередь, выражают понимание мира как нестабильного коммуникативного пространства. Таким образом, основополагающие философские категории постмодерна организованы посредством единства мифологического постижения (переживания) мира, а через метафоры «археологии знания», «письма», «желания» просматривается также потребность в центрирующих структурах, свойственных неклассической картине мира.

Как уже подчеркивалось выше, в качестве характерной особенности современных мифологических представлений о мире можно выделить мифологизм самих оснований мировоззрений постмодерна, что можно проинтерпретировать как определенную специфическую «близость» постмодернистского миропонимания архаическому миропостижению. Пытаясь вырваться из «уз власти разума и логики», постмодернизм стремится начать новый виток в развитии мировой истории, обращаясь к культурному первоистоку, реабилитирует все, что ранее понималось как маргинальное и периферийное. К типичным чертам культурной ситуации постмодерна, во многом сближающим язык современной культуры и язык мифа, можно отнести ризоматичность и ассоциативность мышления; способность соединения несоединимого; полистилизм в художественном творчестве; полисемантизм и принципиальную открытость культурных текстов.

«Сегодня ясно лишь одно: мир вновь опрокинут в мифологическую сплошность, и нет на него больше «чистого»,

«умного» взгляда» [9, 54]. В культуре постмодерна прослеживается ситуация «усталости» от власти разума; в научной литературе все чаще можно встретить дискуссии о стремлении современной культуры «вернуться к мифологической эпохе». В социокультурном пространстве наблюдается отчетливый интерес к мифу, а ряд исследователей даже выражает суждения о наступлении эпохи «современной первобытности», «неоархаики», «магического ренессанса»: возвращение к мифу на новом цивилизационном уровне развития культуры.

Сознание в своем основании имеет первичный опыт столкновения с действительностью, а на данном этапе общественного развития – опыт столкновения с принципиально усложнившейся, динамичной реальностью. Ситуация постмодерна характеризуется новой специфической формой синкретиза: прослеживается снятие дифференциаций модерна, усиливается динамика социокультурных процессов, наблюдается взаимопроникновение различных дискурсов. Разрушение иерархических структур во многих ключевых социокультурных сферах дает повод для дискуссий о наступлении «новой первобытности», где в эклектично-мозаичном пространстве культуры доминирует горизонтально-сетевые связи, тотальный релятивизм и выраженная относительность всех ценностей и значений. Полисемантизм, метафоричность, ассоциативность как характерные черты современного мышления во многом сближает его с мифологическими способами миро-и самоописания.

Постмодернизм, очевидным образом, ориентируется на синкретизм мироощущений и идею цикличности, характерные для мифологического сознания. «Прозрачность и простота мира» в современной культуре уходят в прошлое, в определенном смысле, все становится тождественным всему, а начало и конец просто «перестают существовать». Показательной метафорой постмодернистской культуры стано-

вися феномен «ризомы» (Ф. Гваттари, Ж. Делез). Принцип ризомы соотносится с мифологической формой смыслообразования, где смыслы конструируются по принципу присоединительной связи (кумулятива).

Среди характерных признаков сближения ситуации постмодерна и мифологической архаики можно выделить количественное возрастание циркулирующих в социокультурном пространстве мифологем, а также увеличение их уровня значимости и влияния. Так, одной из основополагающих мифологем в культуре является космогоническая идея зарождения мироздания, создания порядка из хаоса, а также идея возникновения культурных благ и социального мира. И если в традициях культуры классического типа, которая базировалась на идеалах рационализма, понимание природы хаоса связывалось с представлениями о механической системности и линейном детерминизме, а хаос, соответственно, интерпретировался как синоним дисгармонии и неупорядоченности; то в культуре постмодерна отчетливо прослеживаются попытки возрождения мифологического понимания хаоса. Так, синергетика обосновывает концепцию формирования порядка из динамического хаоса, который, в свою очередь, мыслится как потенциальная сверхсложная упорядоченность.

В контексте постмодернистского философского дискурса развиваются концепции креативной самодостаточности хаоса, которые воплощаются в концептуальное отношение человека к миру как к тексту, как к принципиально плюральной, подвижной и аструктурной семиотической среде, которая является открытой для бесконечного ряда интерпретаций. Внутри философии постмодерна прослеживается активность и творческий потенциал при артикуляции природы хаоса. Так, с точки зрения М.Н. Липовецкого, в постмодернизме именно диалог с хаосом выступает в качестве принципиально новой художественной стратегией [8].

В контексте вышесказанного, ключевым моментом постмодернистского мировосприятия является понятие «хаосмос», обозначающее специфическое состояние среды (видимое отсутствие порядка), которое можно охарактеризовать как имманентный потенциал структурирования. Понятие «хаосмос», которое впервые было употреблено Д. Джойсом, в дальнейшем активно интерпретировалось Ж. Делезом и Ф. Гваттари в смысловой сопряженности с такими концептами, как нонсенс и нестабильность [6].

Внутри постмодернистского дискурса под хаосмосом понимают отсутствие наличной организации бытия, открытость возможностям конфигурирования его составляющих. Можно заключить, что, по своей сути, хаосмос является специфическим пространством возможностей, в котором все проявленное равноправно, отсутствует любая смысловая иерархия. А наличное бытие в этом контексте мыслится как имманентное тождество космоса и хаоса.

Таким образом, постмодернизм, уходя от традиционного понимания хаоса как Ничто, вакуума смысла, пустоты, интерпретирует хаосмос как некую виртуальность, содержащую в потенции все возможные смыслы и формы. Хаосмос эксплицитно или имплицитно содержит в себе потенциальные возможности будущих организационных трансформаций, таким образом обеспечивая «бесконечную плюральность». Ряд исследователей (Ф. Гваттари, Ж. Делез) применяют термин «хаосмос» для осмысления способов существования нестабильных предметностей («ризома», «тело без органов») [5; 6]. Обобщая вышесказанное, можно заключить, что в трактовках постмодернистского дискурса под хаосмосом понимается среда, которая потенциально готова к космическому упорядочиванию и обладает безграничным потенциалом смыслопорождения.

Согласно концепциям постмодерна, предметная наличная действительность ограничивает человека, замыкая

его в своих рамках, препятствуя, тем самым, всякой перспективе развития. В связи этим, ключевым для постмодернистской философии становится понятие «трансгрессия», введенное в употребление еще сюрреалистами, и обозначающее феномен перехода, преодоления условности культурных норм выход за пределы установленных границ, за пределы наличной реальности, в сферу нового и неизведанного. Современная ситуация в культуре характеризуется множественностью интенций прорывов в иные миры – миры иных смыслов.

С точки зрения Ж. Батая «свои границы, вероятно, нужны любому существу, однако оно не может с ними смириться. Именно нарушая границы, необходимые для его сохранения, индивид утверждает свою суть» [1, 53]. Исследуя феномен религиозного откровения, который Ж. Батай интерпретирует как трансгрессивный выход субъекта культуры за пределы обыденной психической «нормы», означающий связь с Абсолютом, ученый соотносит феномен трансгрессии с ситуацией праздника, что во многом созвучно с представлениями М. Бахтина о низовой, гротескной культуре, культивирующей смех над высокими ценностями и признанными истинами, и карнавале, снимающем различные культурные табу [2].

Трансгрессия открывая новые перспективы, обладает энергией отрицания; она возникает в ситуации запрета, когда некий предел рассматривается как непреодолимый в границах определенной традиции культуры. Так, для культуры постмодерна характерна актуализация феномена границы, прослеживается тенденция увеличения количества различных экспериментов «на грани возможного», «жажда пограничья», риска, экстрима, существование в потоке движения, лишённого устойчивости и стабильности, прибывание «между». В контексте вышесказанного, в современной культуре большой интерес представляет феномен метаморфоз,

превращений в области пограничья, переход от латентного, имплицитного к эксплицитному, чем, в свою очередь, также обусловлена актуализация и активизация многочисленных мифологических и мифоподобных феноменов, которые из скрытых, свернутых образований трансформируются в выпуклые, порой даже агрессивно проявленные.

Таким образом, постмодернистское мышление, активно декларирующее тотальное низвержение мифологических систем предыдущих эпох, направленность на окончательное разрушение любых метаконструктов, фактически оказалось не способным преодолеть мифологичность своих собственных оснований. Так, анархизм, нигилизм, релятивизм, свойственные современной эпохе формируют фундамент современного мировоззрения и постепенно приобретают такое же догматическое значение, как и культ разума, логоса и антропоцентризм в классической традиции. В базисе постмодернистских представлений создается свой собственный миф о мире, который детерминирует специфику современной культурной ситуации. Миф постмодерна продуцирует установки на нестабильность, открытость, плюрализм в рефлексии феноменов социокультурной действительности.

На сегодняшний день в обществе отчетливо прослеживается формирование новой мифологической (неомифологической) «ситуации», при которой в качестве культурной доминанты ярко проявляются сами ремифологизационные процессы. Так, специфику современного миро- и самовосприятия можно описать в терминах доминирования синтетических и интегративных тенденций. Отказавшись от власти радио постмодерн пришел к архаическим (неоархаическим) способам миропостижения. Ярким маркером этого процесса является функционирование в общественном сознании множества разноуровневых мифологем.

Выводы. Обобщая результаты теоретического анализа проблемы, мож-

но заключить, что для современной социокультурной ситуации характерны две следующие тенденции. Первая – «мифоразрушительная», связанная со стремлением уничтожить мифологические системы предыдущих эпох, и даже сами мифологические структуры. Эта тенденция оформилась, с одной стороны, как целенаправленная рефлексия над основаниями любого порядка, свойственная постмодернистской культуре в целом (проявляется в кризисе классической рациональности и формировании рациональности постмодерна, в которой порядок наделяется

вероятностным статусом); с другой стороны, «мифоразрушительный» вектор возникает как компенсаторная реакция на агрессивную экспансию современной массовой культуры.

Вторая тенденция связана с усилением роли мифа в массовой культуре, с процессами ремифологизации, с формированием и активным функционированием неомифологических феноменов и может быть проинтерпретирована как реакция на разрушение устойчивой картины мира и принципиальный плюрализм, свойственный дискурсу постмодерна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Батай Ж. *Литература и зло* / Ж. Батай ; пер. с фр. Н. Бунтман и Е. Домогацкой. – М. : Изд-во ИГУ, 1994. – 166 с.
2. Бахтин М. М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. 2-е изд / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1990. – 543 с.
3. Бодрийяр Ж. *Втени молчаливого большинства, или конец социального* / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. Н. В. Суслова. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 96 с.
4. Галанина Е. В. *Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры* / Е. В. Галанина. – М. : Издательский дом Академии естествознания, 2013. – 129 с. – [Электронный ресурс]. – режим доступа : <http://monographies.ru/173>
5. Делез Ж. *Логика смысла*. Фуко М. *Theatrum philosophicum* / Ж. Делез, М. Фуко ; пер. с фр. Я. И. Свирского. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
6. Делез Ж. *Анти-Эдип : Капитализм и шизофрения* / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна* / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с франц. Н. А. Шматко. – М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
8. Липовецкий М. Н. *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)* / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург : Уральск. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.
9. *Миф, мечта, реальность : постнеклассические измерения пространства культуры* / Под. ред. И. В. Мелик-Гайкарян. – М. : Научный мир, 2005. – 256 с.